

Ян Бруштейн

Москва
Вест-Консалтинг
2012

Ян Бруштейн.

Город дорог. Стихи. —

М.: Вест-Консалтинг, 2012. — 74 с.

ISBN 978-5-91865-187-2

© Я. Бруштейн, стихи, дизайн обложки, 2012

© «Вест-Консалтинг», компьютерная верстка,
макет, 2012

ВО ВЛАСТИ ПОЭТА...

Мне доставляет большую радость сказать несколько слов о новой книге Яна Бруштейна «Город дорог». Не только потому, что Ян Борисович Бруштейн – замечательный современный поэт, но и по той причине, что стихи его интересны, необыкновенны, умны и наполнены «до краев» чувством.

Я не один раз слушал стихи Яна Бруштейна в зале и видел, как тепло, с каким воодушевлением принимает его чтение публика. Было радостно заметить – многие потихоньку читают его стихи наизусть, как бы заодно с поэтом... И, вместе с тем, Ян Бруштейн вовсе не угождает залу – его стихи часто сложны, даже элитарны, но поэт, необъяснимым образом, сумел соединить высокий поэтический уровень с понятностью и близостью своих стихов – для многих.

Это магическое свойство, коренное для поэзии Бруштейна, в полной мере сохранено и в новой книге. Но сборнику стихотворений «Город дорог» присуще и еще одно великолепное качество – это именно единая, цельная книга, она прочитывается вся, целиком, одни стихи поддерживают другие, оркестр звучаний и смыслов то варьирует одну из тем, то вводит новую, то звучит многоголосо, то «соло поэта» наполняет нас грустью о дальнем пройденном пути, былых встречах, возрасте...

Вот почему цитирование отдельных стихотворений почти невозможно – начнешь, и повторишь всю книгу... Но и удержаться невозможно.

*«Я вдыхаю воздух древний посреди Нерли,
Небо как мишень пробито птицами, и вот
Мимо нежилой деревни, брошенной земли
Плоскодонное корыто медленно плывёт».*

(«На Нерли»)

Это тема «Воды», она же «Времени» – нить стихотворений, их много в книге, что лежит перед вами, стихотворений с опорой на этот образ... «Я знаю, не спасёт вода, /Когда ни сна, ни слова»... («Жажда»), «И Ярило жарче пала, /Капли бедные в горсти, /И стоял Иван Купала /По колено в вечности». («Купала») – использование «реки-времени» объемно и, одновременно, во всей ее протяженности, как вечности...

А вот тема еврейства, судьбы предков и близких. Эта нить книги более связана с голосом, пением, возвращением в прошлое, возможным только для поэта:

*«И эта музыка на идиш
Среди победного иврита –
Казалось, дверь толкнёшь, и выйдешь
Во время, что давно закрыто».*

(«Клезмерное лето»)

В этом же ряду стихотворение о блокаде Ленинграда, с отсылкой к замечательному стихотворению Мандельштама –

*«Ты полнее в стакан лей,
Буду пить я на сей раз*

*За сапожный сухой клей:
Он моих стариков спас».*

(27 января. День прорыва блокады»)

И, наконец, основное – понимание своего места в долгом ряду предков, это жесткий взгляд на мир, который мы видим в Библии, когда речь идет о смерти патриархов – «приложился к народу своему»: «Я клеймён был еще до рожденья/ Шестикрылой суровой звездой,/ И стояли несметные тени/ Долгой ночью, вовеки седой».

Достаточно часто те или иные сюжетные нити культуры, сплетаясь, дают у Яна Бруштейна интересное решение. Так, вечная тема слепых поводырей слепых, которые бредут у Брейгеля вдоль реки жизни, соединенная с мотивом «гамельнского крысолова», становится остросовременной:

*«Брошен город, скомкан век,
Мышь за мышью, шагом быстрым,
За свихнувшимся флейтистом –
Словно бисер по канве»...*

(«Мыший век»)

И библейский текст, религиозные мотивы Ян Бруштейн умеет увидеть на экране фэнтези. И не боится на таком фоне дать гетевскую трактовку из «Фауста», варьируя ее и подавая в синтаксисе без запятых...

*«пожиратель камней истребитель вод
его звездолёт уже приготовил свои ножи*

*но мы встанем ряд за рядом во имя того
кто дал нам свободу воли и право на жизнь»
(«Когда»...)*

Что же, надо себя остановить в цитировании. Не могу не упомянуть все же о стихах, связанных с Кара-Дагом, Коктебелем... Это теплые, личные, исповедальные стихи...

Выразительно название книги – «Город дорог». Название-палиндром, его можно прочитать и слева направо, и справа налево, варьируя ударения, посмотреть в будущее или оглянуться на прошлое, а прочитанное все будет одним – единством места и речи, перекрёстком дорог и дорогих воспоминаний, судьбой, которая алхимией поэзии превращена в стихотворения:

*«Зуд подкожный, звон острожный,
Судьбы читаны с листа.
Место речи непреложно –
Там, где божья пустота,*

*Там, где битая посуда
Где виновен – хоть секи...
Там, где рвутся из-под спуда,
Как мычание, стихи».*

(«Место речи»)

Мы не имеем другого пространства и другого времени жизни. Но во власти поэта созидать, творить словом пространство-время культуры, ее «города» – и тем самым пытаться наш, далекий от совершенства мир, устремить к добру. И тогда

«городом», перекрестком дорог современности и дорогих поэту воспоминаний становится книга...

*«Не отпустит... а коли я
Оборву ненавистный повод,
Возвратит, от любви слепого,
Равнодушная коля».*

(«Город дорог»)

Новая книга Яна Бруштейна не столько завершает предыдущий этап его творчества, сколько начинает новый. Я уверен также в том, что будут следующие книги – они, наверняка, окажутся неожиданными, талантливыми и дарящими свет в достаточно сложные времена...

Михаил Горевич

кораблик

*за все эти дни и за все эти ночи
за пройденных труб раскалённую медь
за крым и за рым за последний звоночек
попробую пить я и шепотом петь
за всё что сломал и за старые грабли
которые бьют мне и по лбу и в лоб
за то что из детства бумажный кораблик
прорвался приплыл и мне стало тепло*

Тени

Когда кривая вывезет меня
Туда, где буераки и овраги,
Где дикие собаки ищут драки,
Где о весне мечтают семена,
Увижу, как, пугливо семеня,
Спешат укрыться под корягой раки,
И хищной птицы быстрые атаки
Уносят жизни на излете дня.

И в том краю, где ада нет и рая,
Тебя я вспомню, злясь и обмирая
от нежности, которой столько лет.

Тогда отступят вежливые тени,
И все поняв, и одолев смятенье
Я позову, и получу ответ.

эти травы и эти деревья

эти травы и эти деревья приходят
ко мне из земли,
из младенца зерна и давно постаревшего корня.
что узнали они, выходя из подменного
сонного в горний,
что забыли они навсегда, что запомнить смогли?

я боюсь наступить неподсудным
своим башмаком.
стебли выгнуты луком, но неуловимы их стрелы.
и рисуют они времена и зеленым
и желтым на белом,
и нескошенным телом слепой утверждают закон.

кто еще в этом времени, мире по пояс
навек зарыт,
кто закрыт на тюремный замок
и не может укрыться...
и стоят, и качаются, их растворяются лица.
вот и эта страница сгорает на углях зари.

Место речи

Место речи неизменно,
Вместо встречи – дым и тлен.
Только павший на колена
Не поднимется с колен.

Долгий голос из-под гнёта
Просочится, как живой,
И покажутся тенёта
Синевой над головой.

Зуд подкожный, звон острожный,
Судьбы читаны с листа.
Место речи непреложно –
Там, где божья пустота,

Там, где битая посуда,
Где виновен – хоть секи...
Там, где рвутся из-под спуда,
Как мычание, стихи.

Жажда

Как от судьбы ни уводи,
Как ни суди отважно,
Скажи, ты разве у воды
Не умирал от жажды?

Среди плодов твоей земли,
Услышав зов глагола,
Ты разве не играл в «замри»,
Забыв про боль и голод?

Я знаю, не спасёт вода,
Когда ни сна, ни слова...
И никому, и никогда,
И ничего иного.

Седьмая вода

От первой воды – ни беды, ни отгадки,
И были бы взятки привычны и гладки
У тихой рабочей пчелы.

Вторая вода – забодай меня птица:
Такая страница под утро приснится,
Почище двуручной пилы.

Где травы напитаны кровью и солью,
Там бешеный волк породнился с лисою,
И эта вода не для вас.

Вы третью просите – из ветки кленовой,
Не новой, но всё же по масти бубновой,
Готовой гореть напоказ.

В четвёртой и пятой – судак и плотица,
Могли бы ловиться, коль не суетиться...
Шестую не пьёт и зверьё.

Шестая – она для тоски и позора,
В ней вымыты руки и ката, и вора,
И ворон не помнит её.

Но если поднимутся страсти земные
По сердце, по душу, по самую выю,
И ты покоришься судьбе,
Седьмая вода – из под корня и камня –
Захватит, завертит, застынет и канет,
И память сотрёт о тебе.

На Нерли

Между севером и югом зеркало воды,
Вот такая расписная местная весна!
Я опять смотрю с испугом на свои следы,
Там, где воду распинают шрамы от весла.

Я вдыхаю воздух древний посреди Нерли,
Небо как мишень пробито птицами, и вот
Мимо нежилой деревни, брошенной земли
Плоскодонное корыто медленно плывёт.

А внизу вздыхают рыбы, просятся в котёл,
Но на ловлю мы забили в этот странный час...
Всё равно, кто убыл-прибыл и чего хотел –
Мы проплыли, и забыли эти воды нас.

Купала*

Не Иванова картина,
Что видна издалека –
Только пыльная куртина,
Только мутная река,
И Ярило жарче пала,
Капли бедные в горсти,
И стоял Иван Купала
По колено в вечности.

Эта битая дорога,
Иордан как Рубикон...
И крестил Купала Бога
Для народов и племён.

* Название Иван Купала имеет, кроме языческого, народно-христианское происхождение и является славянским вариантом имени Иоанн Креститель.

иприт

куда летит экзюпери
на неподвижном самолёте
и тишина подлунных сфер
уже ему принадлежит
он не вернётся до зари
как вы его ни умоляйте
он там где жив аполлинер
и где иприт его сожжёт

но к ним с оплавленной горы
не ждите не придёт волошин
и не обязан им ничем
и в сумраке своём небось
опять ворочает миры
как будто это горсть орешин
у карадага на плече
на фоне гаснувших небес

кто чертит небо сторяча
в серебряном аэроплане
мы тоже все сойдём с ума
у прошлого в сухих руках
кому удастся в этот час
бежать из каменного плена
где молится застывший макс
за тех и за других

Ищите в Google

1.

...и потому ли, потому
мои изломаны маршруты,
что отправлялся по уму,
а возвращался лишь под утро.

ступнями шлёпал по воде
и криво отражался в лужах.
я жил нигде, я был везде,
и не понятно мне, что хуже.

2.

остались угли –
сгорел дотла.
ищите в гугле –
и все дела.

ищите в дыме
горящих роц.
я с вами, с ними,
а не найдёшь...

3.

То, что запрягано в груди,
Давно исходит болью –
Клянется, кается, грубит,
Сопит в своём подполье.
Ему б на волю... это фарт!
Но будет мало толку:
Вот вырвется – и об асфальт,
И полетят осколки.

4.

приходит время писанин
совсем иного толка,
когда останешься один –
ни чувства и ни долга.

поскольку сломана печать
и можно быть нелепым,
и ни за что не отвечать
перед людьми и небом.

МОНЕТКА

между серыми домами
между серыми умами
прохожу я тих и медлен
со своей копейкой медной

вкруг дороги старики
лица смыты как в тумане
ни один за подаяньем
не протягивал руки

угасает белый свет
за неблизким горизонтом
не узнать какой же сон там
если сна и вовсе нет

и никто не отругал
нас за то что каждый каин
и монетку отпускает
ослабевшая рука

Старики

1.

Чьи-то ноги в зашарканных ботах
Под окном полируют асфальт.
И не ваша, не наша забота –
Этот малозначительный факт.

Как же были они молодыми,
Как же знали, что всё на века,
Как же время их измолотило,
Что осталась в итоге труха.

На кефир, на батон и сосиску –
На одну... всё рассчитано впрок.
И бредут, и последнюю искру
Задувает чужой ветерок.

2.

не грехи так огрехи
вот за это и драть
получу на орехи
как пойду помирать

путь далёкий и краткий
это как посмотреть
я шагнул без оглядки
за последнюю треть

мне немного осталось
полный срок отмотал
и постыдна как старость
в этот час немота

3.

Порою за полночь брожу,
На палку тяжело налегая,
И даже встречному бомжу
Скажу, что нынче дрянь другая,
Что лучше лузером дожить,
Чем в этом... в этом копошиться,
Что победили не ужи,
А вовсе слизни и мокрицы...
Убогий сплюнет жизни ком,
Потом пошлёт меня подальше,
И с незлобивым матерком
Протянет руку за подачкой.

4.

По слухам, ты давно не слышишь
То, что звучало искони,
Когда ломал судьбу, как лыжи,
Когда кричал себе: «Гони!»
И, если падал, – поднимался,
И верил – это навсегда...
Ты был поэт козырной масти,
И брал, как воин, города.
Затих, согнулся, дышишь чудом,
Весь отгорел и всё сказал.

Но почему ж под белым чубом
Так яростно горят глаза!

Мальчик

Как же мне хотелось в море –
Лёгким, злым и молодым.
Этот берег нам prospорит,
Растворится, словно дым.
Мне подальше бы от фальши,
От еля и тоски.
Чтобы жил веселый мальчик,
Поседевшие виски.

Песенка старого гусара

Настанет расплата за давние траты,
Мы молоды были, мы были богаты.
Любили, и пили вино из ладоней,
Копытами били горячие кони.
Клинками, со свистом взлетали рассветы,
И было неистовым каждое лето,
И, комнатных дам оставляя вне круга,
Спешили мы к жарким и жадным подругам...
 Давно опровергнуты наши резоны,
 И всё же, свободы хлебнувшие лишку,
 Хотим, чтобы поняли верные жёны,
 Куда же так рвутся седые мальчишки!

Рыбы

Где Полянка целуется с Якиманкой,
Где торчит острый угол машинам назло,
Мы на пару с тобой покупали полбанки,
Не вискарь, не коньяк, а родное бухло.
На квартире, где жили чудные мазилы,
Две художницы мыли картоху и лук,
Ну и, если родители им привозили, –
Тихо таяли рыбы на кухне в углу.
Эти рыбы во льду, отворённые пасти,
Словно ждали напасти – кастрюлю и печь...
Им на дно бы залечь, но распахнуты настезь
Наши жадные рты, и не долго терпеть!
Разливали портвейн, до утра пировали,
Никому не давали уснуть за версту,
И гудели гитары, скрипели кровати
И от ужаса стыл мусорок на посту.
Так и было, да сплыло – поспешно и громко.
Сквозь Москву мы спешили навстречу судьбе...
Мы и жили-то рядом: ты на Божедомке,
Я – в общежитии, на Трифоновской, 45Б...

Уха

В местах, не столь уж отдалённых,
Скорее белых, чем зелёных,
Где ночь всегда сильнее дня,
Ищите, граждане, меня!

Однажды старый жёлтый фورد,
проснувшись, вздрогнет под руками,
И зарычит, и потной влагой покроются его бока...
В Дуниловской пекарне я затарюсь пирогами,
А Теза, вздувшись, мне подарит щуку или судака.

Я откопаю старый дом от мокрого, но чистого,
Покуролесившего всласть, сошедшего с ума,
И дом, стропилами шурша, проснётся.

Ну и что с того:

Настала пятница тринадцатого, и умерла зима.

Моя прижимистая печь так отсырела, дышит плохо,
Дымит, бормочет, но потом – узнает старого пенька.
Весёлый дед, живой сосед одарит луком и картохой,
И закипит она, забьётся, весной приправлена – уха.

Для вкуса дёрнем по чуть-чуть ядрёную, с калиною,
Запахнет в доме яблоком, и сеном, и жнивьём...
Была зима – как будто ночь, тяжелая и длинная,
Но это счастье всё-таки, что дальше мы живём!

Голос

Не ладья, а только лодочка –
Вот и шпарим по волне...
Подскажи-ка, друг Володичка,
Как же дальше выжить мне?

Стыд лежит на сердце каменно,
Слёзы – крови солоней.
Мы держались бы веками, но
Крайний срок, и силы нет.

Так моей стране ославиться...
Утешает, ёшкин кот,
Что жена моя, красавица,
Лучше прежнего поёт!

Наше времечко увечное
Переждем, не беда.
Хрупкий голос... это вечное,
Остальное – ерунда.

Уезжаю из Коктебеля

1.

я покорное растение
на билете цифры серые
нехудой печальной тенью
уезжаю завтра к северу
лучше был бы вовсе пешим я
всё осталось бы хорошее
попросить политубежища
под забором у Волошина
осень стыла бы умытая
я в прибой тогда и был таков
но чаями знаменитыми
будет греть меня Алейников
тащит прочь судьба привычная
вот уеду и как все умру
стынут рельсы безразличные
на моей дороге к северу

2.

Преодоление тоски:

Не видеть торжища и жральни,

И не играть смешную роль мне,

Что навязали сосунки.

Не притворяться стариком

И не подыгрывать девчонкам,

И не скакать помятым чортом,

Костями бряцая и стихом...

На Карадаге дышит лень веков

И профиль каменный все строже.

Здесь память умерла, но все же:

Волошин, море и Алейников...

Марине

Во сне береговой черты,
Где стёрты наши очертанья,
Где черти знойны и черны,
И словно бы причастны тайне,
Где непрерывны флирт и жор,
Где дамы словно на параде,
И где потрёпанный пиджак
Спешит куда-то на ночь глядя –
Одни над бездной голубой,
Которая зовёт и тянет,
Мы, незаметные, с тобой
Пройдём незванными гостями.
Увлечены игрой ума,
Готовы всё раздать задаром,
Как только юная луна
Раскроется над Карадагом.

Шаги командора

Юрику, старику, бывшему Командору

Сойдя с ума как с пьедестала,
Шагай неспешным командором,
И не разглядывай детали
Пространства, где идёшь дозором.
Ты страшен тем, кто виноватей -
Потом все объяснит палач им,
Но обыватели в кроватях
Подавятся тоской и плачем.
Тебе разбойники и воры
Под пыткой выдадут такое,
Что ты не вынесешь позора
И дрогнешь каменной рукою.
Потом зависнешь в глупом тире:
Не по мишеням бить – по рожам,
Но вспомнишь, что давно потерял
Последний след в душе порожней.
Все узнаваемо до стона,
Лежишь в земле, возможно, сам ты,
Там, где шумят аттракционы
Вокруг погибшего десанта.
...Без толку встретились, без лада,
И за грудиной – горячее.
Но ощущение приклада
Останется в моём плече, и...

Неспящие в Коктебеле

Хвала неспящим в Коктебеле,
Поющим, пьющим и горящим
В кусте терновом, в легком теле,
Давным-давно сыгравшим в ящик.

Хвала плывущим в лунном свете,
На берег прущим кистепёро,
Встречающим последний ветер
Улыбкой бога и актёра.

Не видя этой жизни странной,
Где я застрял, смешной и старый,
Вы достаёте из тумана
Свои беспечные гитары.

И, если вы уже запели,
Я вас услышу в это лето...
Хвала неспящим в Коктебеле
И догорающим к рассвету.

Мельница

Она всё молола, старалась, вертелась,
Дробила и судьбы, и кофе, и время,
И плавилась ночи, и маялось тело,
А мы замечали, что были не с теми.
Она всё крутилась, надсадно кричала,
Искрила, когда пробегали трамваи.
А мы притворялись, что можно сначала,
Пока эта мельница словно живая.
Но нынче не так мастeryт, как бывало –
Плохое железо, и быстрая старость...
Сломалась. А времени было так мало,
И, сколько ни жди, ничего не осталось.

Больничное

1. Окно

В больничном окне – замечательный мир:
Деревья облезлы, но живы,
Бегут экипажи, набиты людьми,
По выбитым каменным жилам.
Вороньего скока смешной контрапункт
Пугает пичужью ватагу,
И сукины дети без всяческих пут,
От сторожа давшие тягу,
Бессмысленно лают на весь окоём,
Гоняют прохожих и галок...
Мой мир, ограниченный этим окном,
Огромен, чудесен и жалок.

2. Никодимыч и Серёга

За окошком больницы – фабричный пейзаж
Намалёван кармином и охрой.
И сырые дымы возмущают пейзаж,
Заставляют ругаться и охать.
Никодимыч по-тихому пьёт самогон,
А Серёга всё больше по салу...
Здесь хвороб на двоих – за тележкой вагон,
И земля выносить их устала.
У Серёги – наколотый вождя на груди
Видит сало, от зависти тлея.
Никодимыч не любит вождя и грубит,
Трёт когда-то могучую шею.
Не осталось давно ни кола, ни двора,
Только траченный временем норов.
Оба-два старика матерятся с утра
И, как дети, боятся уколов.

местоимение

местоимение моё
имение и место
в раю оставлено враньё
в деревне плоть и стыд
и насосалось комарьё
так что под кожей тесно
гоню железное гнильё
за тридцать три версты

там где излучина и злу
чинарик не достался
его когда-то докурил
я обжигая рот
и вот развеяли золу
и приняло пространство
всё то что вызнал от Курил
до питерских болот

кто над водами сед и пуст
где время стало тенью
пылал неугасимый куст
сгорев почти на треть
моя железная ладья
дрожала в нетерпенье
и если честно был ли я
уже не рассмотреть

Осина

Солнце лампой керосиновой
Вывешу, светило чтоб...
Загоню я кол осиновый
В опостылевший сугроб.
Эх, зима и помытарила,
Ух, и крови попила.
Лет на пять, поди, состарила
Задубевшие тела.
Город утренний и сед, и нем,
Снятся летние грешки...
Кол осиновый со временем
Пустит в землю корешки.
Пусть из города сбежала б, но
Память вся белым-бела.
И осина вздрогнет жалобно,
Вспомнив, кем она была.

Стужа

Сон разума уже породил чудовищ.
Сквозь холод слов и дрожь вожделений
Они проступают на стёклах, и сколько дровишек
ни заготовишь,
Всё равно востёшь в этот лёд по колени.

Природа ополоумела: то – в жар, а то кровь стынет.
Сколько же мы нагршили, чтобы заслужить такое!
Скорее айсберги поплывут по пустыне,
Чем эта беда оставит нас в покое.

Кутайся в свой плед, пей всё, что горит – холод
не остановишь,
Просто время вышло, взяло да утекло!
Сон разума уже породил чудовищ
И они проламываются через твоё тройное стекло.

Во искупление я готов любить всех подряд.
Пробитый стужей навывлет, дождусь ли
нового лета...
Говорят, каждому из нас приготовлен
персональный ад,
Там и погреемся напоследок.

Парад планет

Я в грехах как в шелках, и за это плачу,
Но не плачу, а жгу до огарка свечу.
Не тому ли я рад, что возврата мне нет,
Что собрался парад беспристрастных планет.
По седому лучу я от дома лечу,
Но не вылечу то, что терять не хочу.
Все страницы, все лица, и все миражи,
Это мера того, что заполнило жизнь.
Я запомнил навеки, забыв на года,
Как плыла и сияла твоя нагота.
И вот в этом огне снова станут легки
Наши тяжкие, сладкие наши грехи.

Мыший век

Эта мышья благодать:
Много сыра, мало кошек...
Мышеловка уकोшит –
В мелкий рай рукой подать.
Разбредаются братья,
Размножаются сестрицы,
Мыший век недолго длится,
И не уследит Судья.
Добежать до уголка,
До ларька, и взять пивка,
Нам сегодня нужно ль боле?
Только утром, в полумгле,
Дырку продышать в стекле
И увидеть в чистом поле:
Брошен город, скомкан век,
Мышь за мышью, шагом быстрым,
За свихнувшимся флейтистом –
Словно бисер по канве...

Город дорог

Ивану Цыбину

Этот город моих дорог
Мне по-прежнему гадок и дорог.
Город-ворон и вечный враг,
Не пускай меня на порог.

И даров, и вериг, и врак
От щедрот уделял немало...
Как ломало меня и мяло
В заповедных твоих дворах!

Не отпустит... а коли я
Оборву ненавистный повод,
Возвратит, от любви слепого,
Равнодушная колея.

нівроку*

на своєм осеннем форде желтом как последний лист
с выражением на морде пролетаю сед и мглист
если справа то канава если слева то кирдык
если заново то снова если слово то впритык
я лечу не видя проку километры мну как дам
и нівроку бы дорогу к незнакомым городам
где одни бугры да ямы где колодцы солонны
где я рос себе упрямо на закорках у страны
все мы там пока что живы и такие все свои
и компот из чернослива мама варит для семьи
и от края и до края той стране износу нет
и усатого бабая на стене висит портрет
кто-то быть назначил к сроку так он шутит надо мной
эх нівроку мне нівроку всё осталось за спиной

* – Нівроку (от южно-укр. и идиш) – «тьфу-тьфу, чтоб не сглазить», бабушкино словцо.

Звезда

Я клеймён был еще до рожденья
Шестикрылой суровой звездой,
И стояли несметные тени
Долгой ночью, вовеки седой.
Я на этой земле доживаю
Пограничный, изломанный век...

Проступает звезда кочевая
На потертом моём рукаве.

Клезмерное лето

Я там, где иглы минаретов
Звездами небо помечали,
Стремился в клезмерное лето
Навстречу счастью и печали.
Где величавые хасиды
На языке почти забытом
Субботу пели с древней силой,
Как будто шторм гудел за бортом.
И эта музыка на идиш
Среди победного иврита -
Казалось, дверь толкнёшь, и выйдешь
Во время, что давно закрыто.
И дед, в губах зажавший дратву,
И бабушка с кошерной рыбой...
Я на горячий Север, к брату,
Где всё припомнить мы могли бы.
Под небом выжженным и тусклым
Одна судьба на многих лицах.
А я писал стихи на русском,
На самом близком во языцех.

Коврик с лебедями

Вот коврик: лебедь на пруду,
Русалка на ветвях нагая,
И я там с бабушкой иду,
Тащить корзину помогая.

Меня пугает Черномор,
И рота витязей могучих,
Когда они тяжелой тучей
Встают из вод, стекают с гор.

Дымит фашистский танк вдали,
Копьём уже пробит навывлет.
Бегут бояре столбовые
Со вздыбленной моей земли.

Но сквозь разрывы, сквозь беду
Я вижу: кот идёт упрямо,
И пирожками кормит мама
Его, и птицу на пруду.

И сказки он кричит навзрыд,
И песни он поёт, каналья,
И цепь его гремит кандално,
И дерево его горит.

27 января.
День прорыва блокады

Ленинградская моя кровь
И блокадное во мне эхо...
Жаль, что нет нигде маяков,
Чтобы в этот город уехать.
Ты полнее в стакан лей,
Буду пить я на сей раз
За сапожный сухой клей:
Он моих стариков спас.

Муся

маме

Из ада везли по хрустящему льду
Дрожащую девочку Мусю...
Я к этому берегу снова приду
Теряясь, и плача, и трюся.

Полуторка тяжело ползла, как могла,
Набита людьми, как сельдями,
И девочка Муся почти умерла,
Укрыта ковром с лебедями.

А там, где мой город сроднился с бедой,
Где были прохожие редки,
Еще не знакомый, такой молодой,
Отец выходил из разведки.

Над Ладогой небо пропахло войной,
Но враг, завывающий тонко,
Не мог ничегошеньки сделать с одной
Едва не погибшей девчонкой...

Встречали, и грели на том берегу,
И голод казался не страшен,
И Муся глотала – сказать не могу,
Какую чудесную кашу.

Послевоенное

Это детское счастье озноба и жара -
Ноги ватные – вовсе не выйдешь.
А в гранёном стакане остатки отвара,
И бабуля мурлычет на идиш.
Я тихонечко плачу – для полной картины,
А на стенах – разводы и тени...
Мамин голос: «Спасибо, что не скарлатина!
Полетели, дружок, полетели»
И несёт, прижимая несильной рукою,
Всё по кругу, куда же ей деться.
И блокадная память зовёт, беспокоя...
Питер. Послевоенное детство.

А птицы забыли...

А птицы забыли взять пеленг на юг,
Хрипели, хотели любви и признания,
Над ними всходили снега мироздания,
Казалось, что в глотках ледышки поют.
Под ними – деревья, деревни, и тут,
В тоске, в глубине, где не верится в бредни,
Где тонущий след по тропинке последней,
Неспящие дети за песней бегут.
И взглядом пытаются выследить птиц,
Так счастливо стынувших в небе предзимнем:
«Куда мы летим, для кого же мы гибнем...»
И только мазки запрокинутых лиц.
Завьюжит. И мир, возмутительно чист,
Не будет запятнан ни шагом, ни криком,
И слабо мелькнет над простором великим
Шальное перо или гаснувший лист.

Простое

У травы не бывает души,
Только божие слезы сушить,
Только ангел с крылом отсеченным
Засыпает на ней обреченно,
Облегченно, и сонная вязь
Оплетает его не таясь.
В диком небе – посланников стая...
И крыло не болит, отрастая.
Перья будут легки, хороши...
Ангел просто живет, без души.

Травы больше не вспомнят его.
Вот он, там, где летит большинство...
И звучит на неслышимой ноте,
Голубь, жаворонок, самолётник.

Фавны

Ларе

Если женщина любит Фавна,
Значит, Фавну легко и славно,
Значит, взгляды не слишком строги,
И окошки в душе открыты!
Ничего, что мохнаты ноги,
И под ними остры копыта.
Вот и бродят, развесив губы,
Эти фавны...

Они от века,
Если женщины их полюбят -
Превращаются в человек.

крик. Мунк

он кричит на мосту на причале на сходнях
и от этого крика вскипает вода
он пришел из беды он ворвался в сегодня
и отсюда уже никуда никогда
наши злые слова наши старые страхи
если празднует боль будто кто отпинал
фреди крюгер души он приходит на взмахе
топора и от ужаса мокнет спина
вы забудете имя помянут не к ночи
для чего в этом месте он всё поменял
и кричит и стоит будто он приколочен
на мосту на пути от меня до меня

Сверчок

Ты приходишь – а дом твой горит,
Словно взял его недруг с боя.
Догорает негромкий быт
И сверчок, что трещал за обоями.
Догорают и плед, и след
Первых слов и попыток первых.
Всё погребло во зле и в золе,
И сверчок, что играл на нервах.
Жаль, недолго во тьме сверкал
Этот дом, сам себя сжигая...
Только жальче всего сверчка –
Потому как душа живая.

Медленное лето

Жарко дышит медленное лето
И земля, до края разогрета,
Так раскочегарила котлы,
Что затихли в ожиданье ветра
И лежат на полинялых ветках
Вяленые местные коты.

Дым ползет из недалёкой чащи.
Тени от хвостов и лап висящих
На траве беспечно разлеглись.
Медленно трусит собачья стая...
Но гроза, огнивами сверкая,
Громыхнет, как будто крикнет: «Брысь!»

Брызнули, как искры из шутихи,
В наш подъезд, еще недавно тихий,
Ворвались, разрушили покой.

Словно страж средневековых башен,
Мокрый кот, грозой заряжен, страшен...
Тихо плачет под моей рукой.

Между мной и тобой...

Между мной и тобой – не война и не мир,
Между нами ничейное поле,
И не то, чтобы я был постыл и немил –
Накопились обиды и боли.
Подросла в этом поле одна лебеда,
Душит гривой своей непослушной.
Но и это, поверь мне, еще не беда,
Разве что четвертинка с полушкой.
Отыграли мы век, заплатили судьбой,
Всё спешили к неведомой цели...

Вот беда – так беда: через поле с тобой
До сих пор перейти не сумели.

ЧИТАТЕЛЬ СЛОВ

когда-то я читатель слов бродил туда сюда
туман обрушился с холмов съедая города
я в этот серый и густой зарылся с головой
в мой первый том горящий дом недужный
нужный свой

а там кружился тарарам не видно ни хрена
пластинка ныла по дворам и к завтрему война
и батя мой спешил домой еврейской мамы сын
а летний зной звенел струной и тикали часы
потом потом вернулся он один зачем-то жив
в тумане задыхался звон иплыли этажи
осенний дождь клевал с руки когда

криклив и смел
всему на свете вопреки родиться я сумел
я в это верить не готов в мою игру ума
строитель снов читатель слов
вдыхающий туман

Канат

На этой улице печальной
Мне бросили канат причальный:
Давай, вставай-ка на прикол!
Здесь небо улеглось на крыши,
И третий день уже не дышат
Слепые окна над рекой.
На них – задернутые шторы,
За ними ходят командоры,
Верша последние суды.
В кроватках каменные дети,
А в кадках залежался ветер,
И нет ни воли, ни судьбы.
Здесь может быть, но быть – не может,
Здесь от дождя не стынет кожа
И всюду край, куда ни кинь...

На этой улице печальной
Мне бросили канат причальный,
Но я не протянул руки.

дыра

на серой изнанке мира
написано «маде ин чина»,
и утекают сквозь дыры
следствия и причины.
и пропадают навеки –
вот они были и сплыли,
некие человеки,
тише дорожной пыли.
как будто бы кто в охапку
схватил, а душа живая...

китаец в стоптанных тапках
сидит и дыру зашивает.

Синица

Меня спасали кошки, птицы,
Собаки, лошади и лисы...
Мне разве снится, что синица
Меня искала по столице,
Когда, отчаяньем гонимый,
Я бился в каменные пасти –
Как бы случайно, как бы мимо,
Стараясь на глаза попасться,
Перечеркнула слабым телом
Всех вертикалей злую силу...
И эта тяжесть отлетела,
И эта горечь отпустила.
Её «зинь-зинь» мне стало знаком
Что гибель проскочила мимо.

А я... я спас одну собаку...
Но это несоизмеримо.

Трое

Кроваво-красным подбоем высланы облака.
Нас было когда-то трое, сделанных на века.
С этой высокой дружбой – времени поперек...
И всё-таки годы рушат то, чему вышел срок.
Резали по живому новые времена,
Погасшему, пожилому дружба едва ль нужна.
Плющило не по-детски, грызла вина виски,
И никуда не деться было нам от тоски.
А лучший из нас – нелепо бился, едва дыша.
Однажды он вышел в небо с десятого этажа.
Вдвоём нам нести такое – живы с тобой пока...
Кроваво-красным подбоем схвачены облака.

Сад

1. Венец

Кто мне откликнулся в чаще лесной...

Николай Заболоцкий

Кто окликнул меня на дороге пустой?
Кто взметнул этот птичий содом?
Как узнаю, что пустит меня на постой
Тихим садом окутанный дом?

Там глухие заборы давно снесены,
Там искал я когда-то себя,
Там ломают комедию вместо стены
Стройотряды крылатых ребят.

А над крышей – березы зеленый венец...
Где тот век, что давно разменял?
И не будут уже восхищенно звенеть
Голоса позабывших меня.

Как всегда, он смеется сейчас надо мной –
Тот, который себе на уме.
Но несу я по этой дороге домой
Только радость в последней суме.

2. В одичавшем саду

Валентину

Снова яблони тяжело плодами больны,
Снова трогают землю ветвями.
И заметно, что лист отдаёт без борьбы
Эту землю, забытую нами.

В одичавшем саду хорошо помереть
В будний день, предположим, что в среду.
И, уже растворившись почти что на треть,
Закатиться под вечер к соседу.

И немного поесть, и немного попить,
И спросить самогона с калиной...
И найти, и срастить поврежденную нить
Жизни, ставшей негаданно длинной.

И блаженно смотреть, как текут искони
Стаи птиц, расчертивших полкрая.
Привалиться спиной к деревянной стене
И дышать, ничего не желая.

* * *

последний месяц лета
уже почти угас
и позднего рассвета
не наступает час
дыханья не хватает
среди летучих вод
и только птичьи стаи
пятнают небосвод
едва бегу со всеми
уже почти ничей
и отлетает время
секундами дождей
как будто снял Тарковский
водой оно стекло
совсем по-стариковски
стучит в моё стекло

Високосное

Сенокос високосного года –
Что-то души летят косяком.
И сержант голосит: «По вагонам!»
А кому-то по шпалам пешком.
Это лето с тобой схоронили
И на пробку налили сургуч.
Ветер, пахнувший яблочной гнилью,
Забавляется ключьями туч.
А сержант всё кричит обречённо
И зовёт в этот меркнувший дым...
Всё же вслед за дыханием чёрным
Мы с тобой уходить погодим.
И всплакнём, и с перрона помашем
Тем, кого с этой осени нет.
Время едет на поезде нашем,
И уже приготовлен билет.

Город №37

запретный город номер тридцать семь
чума чума на оба наших дома
когда душа займётся как солома
не отсидеться в лесополосе
себя жарой и болью изведу
голодный город затаился плясь
приходит хам и ржёт и толстый палец
суёт в мою стыдобу и беду
кто смог плодом червивым в перегнутой
кто волком в лес и птицей за пределы
когда же всё покроет самый белый
предвечный снег сомкнувшись надо мной

тогда тогда я буду видеть сон
как плавится асфальт со всех сторон

Слово

Клоны книг, подмикроскопные тиражи,
Для кого эти расчёсы самолюбий?
Слово задыхается и дрожит,
И бежит суетных мест, где люди
Купаются в атмосфере культур-мультиур,
Затвердив единый пароль: «мураками»,
Где поэты читают к восторгу дур,
Кося под Бродского, маша руками
Слово – птица дикая, как сама жизнь,
Рвется в кущи, не хочет в сети.
Пытаясь его вывести и разложить,
Сошел с ума не один генетик.
Я насыплю на подоконник буковок и запятых,
Пусть ест, не боясь ни разу.
Смотрю – перехватывает дух, будто дали под дых:
Какое слово! приятное глазу,
Дразнящее слух.
Где его потайные гнездовья?
Тянусь к нему, как девушка к веслу,
Но понимаю, что оно пишется только кровью.

Лошадка с мышкой

Лошадка цвета мышки,
И мышка цвета сумерек
Живут себе в домишке
И ждут людей, что умерли.
Давно уже, до знака,
Когда поперли сволочи...
Была еще собака,
Да надорвалась воючи.
Судьба такая вышла –
Там, где пути заросшие,
Живут лошадка с мышкой,
Пропавшие, хорошие...

Закат

Словно мясо с похмелья рубили тупым топором,
Невозможный закат: облака и кровавы, и рваны,
И гремит за рекой, за туманом, знакомо и странно –
То ли дышит война,
 то ли Боженька бродит с ведром.

Когда...

1.

Когда навеки сгинет интернет
В тугих потоках атомного ветра,
Окажется, что в мире вовсе нет
Поэзии сего смешного века.

Она текла по слабым проводам,
Её создатели горели, графоманя,
Но тихо прозвучало: «Аз воздам»,
И небо опрокинулось над нами.

В неведомых веках, в иных мирах
Суровый жрец, шаман, хранитель слова,
Преодолеет суеверный страх
И прикоснётся к призраку былого.

Раскроет книги ломкие листы,
И пыль стерев седую, словно накипь,
Он испытает горький жгучий стыд,
И не узнает выцветшие знаки.

2.

когда на исходе мира всё становится серым
сирым а точнее всего седым
и то что могу я вспомнить кажется сором
в городе который называет себя содом
никакие ангелы ни один ни двое
не обманут время
и даже троём не удержат качающуюся ось
они сидят вокруг чаши там на стене в раме
и видят нас отчаявшихся насквозь
а четверем ангелам уже дали команду по коням
и старший до блеска начистил свой геликон
однако же когда мы окончательно канем
кто защитит землю если придет великан
пожиратель камней истребитель вод
его звездолёт уже приготовил свои ножи
но мы встанем ряд за рядом во имя того
кто дал нам свободу воли и право на жизнь

Всё же...

Этот пёстрый свет в окне,
Этот гомон из-под спуда...
С нетерпением посуда
Век вызванивает мне.
Синтетическая ель
Трудно выпускает корни,
За стеною ветер горний
Бьёт в невидимую цель.
Полуспим в своём тепле,
И приходят ниоткуда
Новогодние причуды,
Джингл беллс и сладкий хлеб.
Не споткнись о свой порог,
Уходя в другое время.
Как бы ни был ты со всеми –
Остаёшься одинок.
Всё же, всё же, всё же, всё...
Нам даны судьба и утро,
Новый день, смешной и мудрый,
Неприменно нас спасёт!

Лазарю

Я прочерк между прошлым и былым,
И проступают лица через дым,
Которые и вспомнить-то не просто –
Опльвшие, как свечи на ветру...
Я к ним приду, я ради них умру,
И в этот ряд я встану не по росту.
Но как же коротка моя черта,
И не успел я, в общем, ни черта,
Немного же пайка нам дали в руки!
Хотя пока не оборвался звук,
И нас еще не взяли на испуг
Смешные погребальные старухи.
И сладок воздух, и вода вкусна,
И я еще так много не узнал,
И столько не расслышал между строчек.
Простите, что не рвется эта нить,
Но буду я судьбу благодарить
За долгое пространство многоточий...

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Во власти поэта... Михаил Горевич</i>	3
кораблик	8
Тени.....	9
эти травы и эти деревья.....	10
Место речи.....	11
Жажда	12
Седьмая вода	13
На Нерли	14
Купала	15
иприт	16
Ищите в Google.....	17
монетка	19
Старики	20
Мальчик.....	23
Песенка старого гусара	24
Рыбы.....	25
Уха	26
Голос	27
Уезжаю из Коктебеля.....	28
Марине.....	30
Шаги командора	31
Неспящие в Коктебеле	32
Мельница	33
Больничное	34
местоимение	36
Осина.....	37
Стужа	38
Парад планет	39
Мыший век	40

Город дорог	41
нівроку	42
Звезда	43
Клезмерное лето	44
Коврик с лебедями	45
27 января. День прорыва блокады	46
Муся.....	47
Послевоенное.....	48
А птицы забыли.....	49
Простое.....	50
Фавны.....	51
крик. Мунк.....	52
Сверчок.....	53
Медленное лето.....	54
Между мной и тобой... ..	55
читатель слов.....	56
Канат.....	57
дыра	58
Синица	59
Трое.....	60
Сад	61
последний месяц лета	63
Високосное.....	64
Город №37	65
Слово	66
Лошадка с мышкой	67
Закат	67
Когда.....	68
Всё же... ..	70
Лазарю.....	71

Ян Бруштейн
ГОРОД ДОРОГ
Стихи

Редактор — *Евгений Степанов*
Компьютерная верстка, макет — *Марина Кива*
Дизайн обложки — *Ян Бруштейн*
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Тираж 500 экземпляров
Сдано в набор 04.10.2012
Подписано в печать 27.10.2012

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34. Тел. (495) 978-62-75

Типография ИПК «Квадрат»,
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
проспект Комсомольский, 73.